

"Как во матушке в каменной Москве..."

(Лужский уезд, Городенский погост, дер. Чернь)

Как во матушке в каменной Москве,
У того-то было царя-богатыря,
У Ивана-то свет Васильевича,
Отдавалась замуж дочь бóльшая
За Кострюка-Мастрюка,
Молодова Севрюковича.
Делал царь-богатырь для князей-бояр
Почетный пир, гостей потчивал.
Гости пили-ели, проклажались,
А молодой-то Кострюк-Мастрюк
На пиру сидел призадумавшись.
Говорил ему царь-богатырь:
«Что ж ты, Кострюк, призадумался,
Моего хлеба-соли не кушаешь,
Белого лебедя не рушаешь?
Аль на меня ты лихо думаешь,
Али на дочь мою бóльшую?»
Отвечает тут Кострюк-Мастрюк,
Молодой наш Севрюкович:
«Ой же ты, царь-богатырь,
Свет Иван Васильевич!
Ты тем меня все потчиваешь,
Чего я, Кострюк, не ем:
У тя нет, верно, на кулак бойца,
На кулак бойца, на ногú борца?»

Выходил тут царь-богатырь
На крылечко на дубовое,
Ко перилам ко точеным,
Ко медведку ко черному¹,
Закричал он зычным голосом,
Свиснул богатырским посвистом:
«Гой еси вы, борцы-хватцы́,

Борцы-хvatцы́, славны молодцы!
Приходите ко крыльцу ко дубовому,
Ко перилам ко точеным,
Ко медведку ко черному,
Побороться с Кострюком-Мастрюком,
С молодым-то Севрюковичем!»

На ту пору в каменной Москве
Борцов-молодцов не случилось;
Только случилось два брата,
Два брата, два волгожанина²,
Они города Кашенина:
Один Ванюшка Маленькой,
Да Поташка Небытенькой³,
Что на ножку припадывает,
Костыльком подпирается.
Они полы затаркивали⁴,
Рукава позадергивали,
Приходили к крыльцу ко дубовому,
Ко перилам ко точеным,
Ко медведку ко черному,
Закричали они громким голосом:
«Ой же ты, Кострюк-Мастрюк,
Молодой наш Севрюкович!
Ты ешь-пьешь, проклажаешься,
А борцы-то давно у крыльца стоят!»
Побежал тут Кострюк-Мастрюк,
Молодой наш Севрюкович,
Зацепил он черным башмачком,
Зацепил за скамеечку:
Повалил он тою скамьей
Кабы триста татаринов,
Да полтора баяринов,
Да семьсот донских казаков.

Выходил на крылечко на дубовое,
Ко перилам ко точеным,
Ко медведку ко черному,
Говорил тут Кострюк-Мастрюк,
Молодой наш Севрюкович:

«Да что́ это за борцы-хватцы,
Что за славны это молодцы,
Что мне неково и в руки-то взять!»
Закричал тут Ванюшка Маленькой
Да Поташка Небытенькой:
«Ой же ты, Кострюк-Мастрюк,
Молодой наш Севрюкович!
Не хвались-ко ты в город ехавши,
А похвастай-ко выехавши!»

Схватился он с Вáнюшкой,
Что с Вáнюшкой с Маленьким.
Уж как тот Кострюка-Мастрюка,
Молодова Севрюковича,
На головку поставливал,
Без рубашки снаряживал.
И кричит Кострюку-Мастрюку,
Молодому Севрюковичу,
Кричит теща любимая:
«Ах ты, наш Кострюк-Мастрюк,
Молодой наш Севрюкович!
Был ты как маков цвет,
А стал теперь как мать родила!»
Закричал тут Кострюк-Мастрюк:
«Ах ты, теща, любимая!
Ты как пыль толоконная,
Как затычка оконная!
Ведь не то мне-ка дорого,
Что чистое золото,
А то мне-ка дорого, —
Похвала молодецкая!»

Брался тут Кострюк-Мастрюк,
Молодой наш Севрюкович,
Со Поташкой с Небытеньким.
Как тут-то Кострюка-Мастрюка
Забирал он поперег живота,
Поднимал он повыше себя;
Как ударил об сыру землю:
Тут-то Кострюк-Мастрюк

С отцом с матерью прощается,
С душою расставается.

*(Со слов крестьянина Ефима Парфенова Быкова, запис. г. Гуляевым; ср.
«Изв. А. Н.», Отд. II, т. II)*

Песни, собранные П. В. Киреевским, Ч. II. Песни былевые, исторические. Вып.
6. Москва. Грозный царь Иван Васильевич, 1864.

1 Изображению медведя при ступенях Красного Крыльца.

2 Признак того, как и в некоторых образцах предыдущих, что былина
пелась в Вологде и оттуда перенята.

3 Плохенькой, увечный (хромой), калека.

4 Затыкали, подтыкали. — О.